
ПОЛИНА КУЗИНА
СЛЕПАЯ ЗОНА
КНИГА 3. ЧИСТЫЙ ГОРИЗОНТ
18+
АРТЕМ ВОРОНОВ | ВЕРА СОКОЛОВА

Полина Кузина
Слепая зона Книга 3. Чистый горизонт

https://litres.ru/74828414
SelfPub; 2026

Аннотация

Прорвавшись сквозь штормовой Босфор, петербургский архитектор Артем Воронов и адвокат Вера Соколова добираются до Афин с самым опасным грузом в их жизни — двумя армированными кейсами с компроматом на высших силовиков и чиновников.

Но международная пресса бессильна, когда на охоту выходят государственные ликвидаторы, не оставляющие свидетелей. Пуля снайпера обрывает жизнь их единственного контакта прямо у подножия Акрополя, а беглецы оказываются зажаты на обжигающих скалах Ареопага. Сзади — отвесный обрыв, спереди — приказ стрелять на поражение.

Чтобы разорвать цепь смертей, Артему и Вере придется пойти на безумный шаг: уничтожить то единственное, чем они могли торговаться за жизнь, вычеркнуть себя из прошлой жизни и рискнуть всем ради права остаться людьми.

Это финал напряженной трилогии о преступлении, возмездии и разрушительной страсти, где на краю гибели рождается свобода, а за спиной наконец открывается чистый горизонт.

Содержание

Аннотация 6
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Полина Кузина Слепая зона Книга 3. Чистый горизонт

Полина Кузина
Слепая зона
Книга 3. Чистый горизонт

Аннотация

Греция встречает беглецов раскаленным камнем, запахом перегретого дизеля и привкусом близкой развязки. Прорвавшись сквозь штормовой Босфор, петербургский архитектор Артем Воронов и адвокат Вера Соколова добираются до Афин с самым опасным грузом в их жизни — двумя армированными кейсами с компроматом на высших силовиков и чиновников.

Но международная пресса бессильна, когда на охоту выходят государственные ликвидаторы, не оставляющие свидетелей. Пуля снайпера обрывает жизнь их единственного контакта прямо у подножия Акрополя, а беглецы оказываются зажаты на обжигающих скалах Ареопага. Сзади — отвесный обрыв, спереди — приказ стрелять на поражение.

Чтобы разорвать цепь смертей, Артему и Вере придется пойти на безумный шаг: уничтожить то единственное, чем они могли торговаться за жизнь, вычеркнуть себя из прошлой жизни и рискнуть всем ради права остаться людьми.

Это финал напряженной трилогии о преступлении, возмездии и разрушительной страсти, где на краю гибели рождается свобода, а за спиной наконец открывается чистый горизонт.

"Шестнадцать миллиардов долларов, стертые имена и

единственный шанс на спасение. Чтобы победить систему, ее нужно сжечь дотла".

Глава 1. Дорога пыли и солярки

Старый дизельный «Пежо» чадил сизым, вонючим дымом, задыхаясь на затяжных подъемах фракийских холмов. Стрелка датчика температуры упорно ползла к красной зоне, а кондиционер умер еще в Бандырме, сразу после того, как они сошли с ночного парома, перерезавшего Мраморное море.

Артем вел машину уже седьмой час подряд, стиснув челюсти и не отрывая покрасневших от недосыпа глаз от плавящегося на солнце асфальта. Левое ребро под тугим эластичным бинтом больше не стреляло острой болью на каждой кочке, но превратилось в сплошной ноющий свинцовый ком. Пальцы на руле онемели от вибрации рулевой колонки.

Границу у Ипсалы они прошли на рассвете — по поддельным транзитным документам, которые Артем вырвал у Ахмеда на стамбульском рынке, и за три сотни евро, небрежно вложенных в паспорт сонного греческого пограничника. Тот даже не стал пробивать печати по базе: махнул рукой в сторону шлагбаума, торопясь вернуться в прохладу дежурки.

Европа встретила их выжженной добела травой, оливковыми рощами, затянутыми серой дорожной пылью, и бесконечным, давящим стрекотом цикад.

Вера сидела на пассажирском сиденье, привалившись

виском к боковому стеклу. На коленях у нее лежал раскрытый бумажный атлас автомобильных дорог Греции — смартфонами они не пользовались со времен Питера. Ее лицо за эти дни заострилось, скулы обтянула сухая, загорелая кожа, а коротко остриженные еще в подвальной парикмахерской возле стамбульского вокзала Сиркеджи темные пряди прилипли к взмокшему лбу.

На заднем диване, вжавшись в угол за спинкой водительского кресла, сидел Денис.

За трое суток пути парень превратился в жалкую тень самого себя. Грязная юношеская щетина, застиранная толстовка, черные провалы под глазами и багровая корка шрама на левой щеке. Он не спал — вздрагивал от каждого гудка встречной фуры, беспрерывно грыз ногти и косился на три армированных углепластиковых кейса, сложенных в ногах.

— Пить хочу, — сипло выдавил он, облизывая потрескавшиеся губы. — Вера, у нас вода осталась?

Вера не повернула головы. Ее взгляд оставался прикованным к разметке шоссе.

— В багажнике, — ответила она ровным, стеклянным голосом, от которого в раскаленном салоне словно потянуло сквозняком. — Дотерпишь до заправки.

— Сколько еще ехать? Куда мы вообще премся? — в голосе парня прорезались истеричные нотки, смешанные с привычной капризной интонацией младшего брата, привыкше-

го, что старшая сестра разгребет любое дерьмо. — У меня паспорт левый, языка я не знаю! Вы обещали в Греции...

— Я обещала не перерезать тебе тормозные шланги на пароме, Денис, — жестко перебила она, медленно поворачивая к нему голову в темных очках. — И я свое слово сдержала. Закрой рот. От твоего голоса у меня раскалывается голова.

Артем бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида. Встретился глазами с Верой — она тут же отвернулась обратно к окну, сжав челюсти так, что под кожей заходили желваки. За последние трое суток они почти не разговаривали о том, что произошло на катере в Мраморном море. Но напряжение в машине стояло такое, что, казалось, чиркни спичкой — и салон вспыхнет синим пламенем.

Впереди показалась полузаброшенная заправка на окраине пыльного городка под Александруполисом.

Ржавый навес, две старые колонки, покосившаяся будка кассира с заклеенными выцветшей рекламой окнами и ни одной машины вокруг. Только худой облезлый пес спал в узкой полоске тени за бетонным бордюром.

Артем свернул с трассы, заглушил чихающий двигатель на краю пустыря, засыпанного мелким серым гравием. Тишина, наступившая после многочасового рева дизеля, ударила по ушам тяжелой ватой.

Он толкнул дверь, вышел наружу. Горячий, пахнущий соляркой и полынью воздух мгновенно обжег легкие. Обойдя машину, Артем открыл багажник, вытащил один из трех уг-

лепластиковых кейсов — тот самый, где лежали документы на черногорскую компанию и персональные счета Ковалева, не имевшие отношения к государственным газовым терминалам.

Затем он открыл заднюю пассажирскую дверь и швырнул кейс на сиденье рядом с Денисом.

Парень дернулся, вжимаясь в обивку: — Это... это зачем?

Вера вышла со своей стороны, подошла к открытой двери. В руке она держала пачку мятых европейских купюр — примерно восемь тысяч евро, всё, что они смогли разменять у стамбульских менял из остатков ее наличности. Она бросила деньги поверх кейса.

— Вылезай, — сказала она тихо.

Денис заморгал, переводя растерянный взгляд с денег на лицо сестры, потом на Артема.

— В смысле — вылезай? Здесь же пустырь! До города километров пять! Вера, ты чего?!

— Пошел вон, Денис, — в ее голосе не было ни ярости, ни слез. Только пустая, выжженная усталость человека, который окончательно отрезал от себя мертвую ткань. — Твоя доля здесь. На первое время хватит. Доберешься до Салоников, сядешь на автобус до Тираны или Подгорицы. Там таких, как ты, с липовыми бумагами — половина побережья.

— Вера, ну послушай... — парень захныкал, потянулся рукой к ее плечу, но Вера отшатнулась так резко, будто он

пытался коснуться ее раскаленным железом. — Я же не со зла! Я думал, так лучше будет! Маме скажи, что я...

— У нашей матери больше нет сына, — отчеканила Вера. — Он умер семнадцатого мая на выборгской трассе. Запомни это.

Артем молча протянул руку, схватил мальчишку за шиворот застиранной толстовки и выдернул из салона наружу вместе с кейсом и пачкой купюр. Денис оступился на скользком гравии, упал на четвереньки, ободрав ладони о камни. Поднял снизу вверх дикий, полный животной обиды и страха взгляд.

— Запомни одну вещь, студент, — Артем наклонился к нему, глядя прямо в расширенные зрачки. — Если ты хоть раз попытаешься позвонить в Питер или объявишься ближе, чем за тысячу миль от российской границы, — тебя найдет не полиция. Тебя найдут люди из Москвы и снимут с тебя кожу живьем за то, что ты держал в руках. Бери чемодан и растворись.

Артем захлопнул заднюю дверь, обошел машину и сел за руль. Вера уже сидела рядом, глядя строго перед собой.

Мотор завелся с надрывным скрежетом. Артем вдавил педаль газа, выворачивая обратно на шоссе. В зеркале заднего вида фигура

Дениса, стоящего на пыльной обочине с черным кейсом в руках, уменьшалась с каждой секундой, пока не преврати-

лась в едва различимую точку на фоне чужого, выжженного солнцем пейзажа.

Они ехали молча почти час. Только когда впереди показались синие указатели на Салоники, Вера медленно выдохнула, разжала пальцы, впившиеся в ткань брюк до белых костяшек, и посмотрела на Артема.

— В Салониках нужно бросить эту рухлядь и пересесть на автобус до Афин, — сказала она глухо. — Номера этой машины уже могли засветиться на границе. И найди нам хоть какое-нибудь оружие на местных развалах. С голыми руками в Афины мы не войдем.

Артем кивнул, положив ладонь на рычаг коробки передач:

— Сделаем, адвокат. Теперь нас осталось двое.

Глава 2. Ночной рынок в Салониках

Салоники встретили их липкой, душной темнотой и запахом пережаренного оливкового масла, плывущим из припортовых забегаловок.

Артем загнал чихающий «Пежо» в глухой тупик между ржавыми контейнерами в промзоне за железнодорожным вокзалом, скрутил отверткой оба номерных знака и швырнул их в заросшую бурьяном канаву. Вера молча протерла влажной салфеткой руль, дверные ручки и приборную панель, уничтожая отпечатки пальцев.

— Дальше пешком, — бросил Артем, закидывая на здо-

ровое плечо тяжелый брезентовый вещмешок с двумя оставшимися кейсами. — Автобус на Афины уходит с центрального терминала «Македония» в два ночи. У нас есть три часа.

Они шли вдоль портовых доков, держась в тени высоких бетонных складов. Ночной бриз с залива Термаикос почти не приносил прохлады — воздух оставался вязким, пропитанным солью и дизельной гарью.

У старого блошиного рынка в районе Вардарис, где среди развалов ржавых инструментов, ворованных автомагнитол и контрабандных сигарет в полумраке копошились местные перекупщики, Артем остановился.

— Жди у входа в переулок, — тихо сказал он Вере. — Не светись под фонарями.

Он углубился в узкий ряд, заваленный ящиками. Через пять минут, отдав пятьдесят евро одноглазому албанцу с золотой фиксой, Артем спрятал за ремень тяжелый греческий складной нож с девятисантиметровым лезвием из вороненой стали и тугим фиксатором. Не пистолет, но в ближнем бою против ножа или голых рук — весомый аргумент.

Когда он вернулся к началу переулка, Вера стояла в глубокой тени арочного проема, вжавшись лопатками в облупленную штукатурку. Ее правая рука лежала на груди, пальцы нервно теребили ворот рубашки.

— Что случилось? — Артем мгновенно напрягся, перекрывая ее собой.

— Тот тип в серой бейсболке у газетного киоска, — шеп-

нула она, не поворачивая головы. — Я видела его два часа назад на заправке перед въездом в город, когда мы брали воду. И он только что прошел мимо переулка, даже не взглянув на прилавки.

Артем медленно скользнул взглядом по тускло освещенной улице.

В тридцати метрах, у остановки ночного трамвая, стоял невысокий сухощавый мужчина в серой кепке и легкой рубашке навыпуск. Он лениво крутил в пальцах незажженную сигарету, глядя в витрину закрытой аптеки — под тем самым углом, под которым в стекле отражался вход в их переулок.

«Нас срисовали еще на границе, — холодно подумал Артем. — Пограничник продал данные о машине или фальшивых транзитных визах сразу после того, как мы уехали».

— На вокзал идти нельзя, — жестко сказал Артем, перехватывая Веру за запястье. — Если нас пасут, на автобусной станции нас возьмут в клещи при посадке.

— Тогда как доберемся до Афин?

— Попуткой. Дальнобойщики на объездной трассе не спрашивают паспортов и не смотрят в ориентировки. Уходим дворами к выезду на Лариссу.

Они нырнули в темный проходной двор, перелезли через низкую кирпичную ограду заброшенного склада и через двадцать минут выбрались на эстакаду окружной дороги. Позади, со стороны Вардариса, глухо завыла полицейская сирена, но здесь, на широкой бетонной развязке, неслись только тя-

желые фуры, идущие транзитом на юг.

За двести евро пожилой водитель рефрижератора с болгарскими номерами, везший партию персиков в порт Пирей, пустил их в спальный отсек кабины без единого вопроса.

Когда огромная фура набрала ход, оставляя позади огни Салоников, Вера впервые за эту ночь откинулась на жесткий матрас спальника и закрыла глаза. Артем сел рядом, положив руку на рукоять ножа за поясом. До Афин оставалось пятьсот километров ночной трассы — и пятьсот километров до последней ставки в этой игре.

Глава 3. Афинский зной и чужая кожа

В Пирее не пахло морем. Точнее, той прохладной, соленой балтийской свежестью, к которой Артем привык за тридцать четыре года жизни между заливом и гранитными набережными. Здесь воздух стоял плотной, удушливой стеной: тяжелая смесь перегретого дизеля от паромов компании Hellenic Seaways, горького машинного масла, гниющих водорослей и размягченного зноем битума, который плавился на стыках плит грузового терминала.

Солнце висело в белесом полуденном зените, выжигая цвета. Всё казалось плоским, слепящим, пепельно-серым.

Артем стоял в глубокой, пахнущей кошачьей мочой и ржавым железом тени заброшенного таможенного пакгауза номер четыре. Стены из гофрированного листа нагрелись

так, что от них волнами шел сухой жар, но здесь хотя бы не слепило глаза. Он опустил тяжелый брезентовый вещмешок на щербатый бетон, оперся здоровым плечом о балку и прикрыл веки.

В ушах все еще стоял монотонный, многочасовой гул дизеля старого «Пежо», на котором они пробивались от самой турецко-греческой границы через Кавалу и Лариссу.

Теперь их осталось двое.

Артем пошевелил ногой брезентовый мешок. Внутри негромко звякнул металл замков.

Два оставшихся кейса. Армированный углепластик, титановые петли, голографические пломбы швейцарского депозитария «Кредит Свисс». Шестнадцать миллиардов долларов, выведенных со строящихся газовых узлов на Балтике и Ямале. Счета фиктивных фондов в Лихтенштейне, офшоры на острове Мэн и главное — оригиналы цифровых реестров с биометрическими подписями трех действующих генералов госбезопасности и двух заместителей федеральных министров.

Это не были просто деньги. Это был детонатор, способный снести верхушку нескольких силовых кланов в Москве. И этот детонатор они притащили на себе через две границы.

Шорох гравия заставил Артема мгновенно подобраться. Рука сама скользнула под полу расстегнутой ветровки, где за ремнем сидел тяжелый греческий складной нож с девятисантиметровым лезвием — единственное оружие, которое

удалось купить на развалах в Салониках без проверки документов.

Из-за угла пакгауза показалась Вера.

Артем выдохнул, но пальцев с рукояти не убрал — привычка, въевшаяся под кожу за последние две недели, не отпускала даже при виде нее.

Вера изменилась до неузнаваемости.

В ней больше не осталось ничего от того лощеного, безупречного адвоката Соколовой, которая вошла в запертый карельский люк в шерстяном пальто от Max Mara и на тонких шпильках. В подвальной парикмахерской возле стамбульского вокзала Сиркеджи она села в кресло перед треснувшим зеркалом и молча указала пожилому турку ножницами на свои волосы. Тот безжалостно состриг ее густые темные локоны, оставив лишь короткие, рваные пряди, которые теперь вились на влажном морском ветру, едва прикрывая уши.

На ней были свободные парусиновые брюки песочного цвета, перетянутые грубым армейским ремнем, стоптанные кроссовки и мужская льняная рубашка оливкового оттенка. Рукава закатаны до локтей, открывая тонкие, покрытые мелкими царапинами предплечья. Две верхние пуговицы рубашки были расстегнуты из-за удушающего зноя.

Она несла два жестяных стаканчика с холодным «фраппе» и запотевшую литровую бутылку минералки.

— Чисто, — сказала она тихо, переступая порог тени. Го-

лос звучал глухо, с легкой хрипотцой — связки так и не восстановились после сырых трюмов сухогруза. — Ни одного хвоста от самой станции метро. Местные копы ленивые, сидят под кондиционерами в дежурке, давятся пончиками.

Она протянула ему стаканчик с кофе.

Артем взял жестянку. Пальцы их соприкоснулись — ее кожа была прохладной от влажного металла, но сухой и шершавой. Он жадно сделал глоток горькой, пахнущей жженым цикорием пены, затем прижал ледяную банку к виску, где пульсировал старый след от удара.

— Журналист ответил? — спросил он, глядя, как по пыльным путям терминала медленно ползет тепловоз.

— Ответил, — Вера прислонилась лопатками к ржавому гофрированному железу рядом с ним. Ее плечо коснулось его плеча.

Ткань ее льна была тонкой, почти невесомой, и сквозь нее Артем мгновенно ощутил сухое, лихорадочное тепло ее тела. — Жюльен Бернар. Международный отдел расследований Le Monde. Он прилетел утренним рейсом из Парижа в Афины. Я дала ему координаты.

— Где встреча?

— Плака. Таверна «Диоген» на лестнице под Акрополем. Туристическое пекло. Толпы иностранцев, уличные музыканты, зеваки, шум. Там невозможно работать тихо. Если они попытаются устроить захват посреди дня на глазах у со-

тен европейцев — начнется дипломатический ад.

Артем медленно покачал головой, не отрывая взгляда от мазутных разводов на рельсах:

— Ты меряешь их процессуальными рамками, Вера. Судебными исками, прессой, оглаской. А люди, чьи фамилии зашиты в этих кейсах, выросли из других законов. Они не боятся дипломатического ада. Они боятся потерять доступ к лондонским трастам и виллам на Лазурном берегу. Тот, кому я звонил со спутника из нейтральных вод, уже отправил сюда группу.

Вера повернула к нему лицо. Темные солнечные очки скрывали ее глаза, но Артем видел, как напряглись желваки на ее заострившихся скулах. Она сняла очки, зацепив дужку за ворот расстегнутой рубашки.

Ее глаза — серые, колючие, цвета штормовой Ладоги — впились в его лицо.

— У тебя есть другой план, Воронов? — спросила она шепотом, делая полшага вперед.

Они оказались в опасной, тревожной близости. В душном полумраке пакгауза от нее исходил сложный, пьянящий запах: горький миндаль мыла, дешевый греческий табак, въевшаяся в одежду морская соль и тепло женской кожи, нагретой солнцем.

Тонкая ткань рубашки на сквозняке прижалась к ее груди. В распахнутом вырезе белела полоска незагорелой кожи — чистая, матовая, контрастирующая с бронзовым оттенком

шеи. Там, в яремной впадине, с бешеной, птичьей частотой билась жилка.

Артем замер, чувствуя, как внутри всё стягивается в тугой, ноющий узел. Он видел эту женщину всякой: холодной стервой в карельском люксе, яростным следователем, готовым разорвать его на куски за брата, затравленным беглецом на мокрой черепице Стамбула. Но прямо сейчас, в пыльном тупике Пирея, с нее словно содрали всю броню. Осталась только нагая, раненая плоть и отчаянная, звериная воля выжить.

Вера медленно подняла правую руку.

Ее пальцы коснулись его щеки. Прикосновение было неожиданно осторожным, почти невесомым. Подушечки пальцев скользнули по жесткой трехдневной щетине, задержались на шраме у виска — белесом, рваном следе, оставшемся после той ночи. Она очертила линию его скулы, спустилась к уголку губ.

Артем не шевелился, боясь спугнуть это странное, неуместное на краю гибели наваждение. Воздух между ними стал густым, электрическим.

— Ты осунулся, Артем, — прошептала она. Ее голос потерял привычный металлический лязг, стал низким, бархатным, почти интимным. — Впалые щеки. Плечи опустились. Сколько ты не спал? Трое суток?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.